

Александр Петрушкин

Петрушкин Александр Александрович родился в 1972 г. в городе Озёрске Челябинской области. Жил в Челябинске. Публиковался в журналах «Урал», «Транзит-Урал», «Крещатик», «Уральская новь», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Аврора», «Нева», «Дети Ра», «Воздух», «Знамя», «Text only», «Топос», «Полутона», «Футурум-арт», «Зинзивер», «Волга», «Волга–XXI век», «Новые облака». Лауреат литературной премии «ЛитератураРентген» в номинации «Фиксаж» (лучший нестоличный издатель поэзии). Лауреат премий журналов «Дети Ра», «Зинзивер». Куратор проектов культурной программы «Антология». Куратор евразийского журнального портала «Мегалит». Автор 10 сборников стихотворений, среди которых: «Оборотень» (Челябинск, 1998, 100 экз.), «Улитка дыхания» (Челябинск, 1999, 200 экз.), «Флейта Искарриота» (Челябинск, 2002, 400 экз.), «Кыштым» (Челябинск, 2008, 400 экз.), «Маргиналии» (Кыштым, 2011, 1000 экз.) и др. Участник АСУП-2,3. Муж поэтессы Н. Косолаповой. Живёт в Кыштыме.

Филологическая маркировка стихов А.П.

Традиции, направления, течения: модернизм, сюрреализм, обэриуты, постмодернизм, метареализм (метаметафоризм), постконцептуализм.

Основные имена влияния, переключки: И. Бродский, И. Холин, Я. Сатуновский, В. Кальпиди, А. Санников, Р. Тягунов, Е. Туренко.

Основные формальные приемы, используемые автором: метафорические сюжеты, эклектизм, интертекстуальность, пародия, деконструкция, метатекст, абсурдизм, имитация спонтанной речи, аграмматизм, полифонизм.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: Урал, флора и фауна, одиночество, дети, стихия воды, снег, небо, бог, ангелы, язык, речь, тишина, немота, поэт, поэзия.

Творческая стратегия: деструктивная гармония, преодоление хаоса и космоса одновременно.

Динамика: в стихах 3-го тома ощущается сдвиг в сторону натурфилософской лирики, но с учетом абсурдистского опыта обэриутов. Предметом рефлексии в стихах все меньше становятся язык и речь (как это было во 2-м томе), на первый план выходит смоделированный сознанием субъекта мир, по сути, некая предметность, которая абсурдизируется и деконструируется, что обеспечивает мерцание отдельных философских смыслов, которые, имея взаимопритяжение, не имеют тяготения стать целостной системой.

Коэффициент присутствия: 0,76

АВТОБИОГРАФИЯ

(То, про что не получилось умолчать)

Никогда не умел писать свою биографию и сейчас, перечитывая текст, расположенный ниже, в полной мере ощущаю его корявость, – за что и прошу меня извинить. Просто многое из оставленного позади уже совсем не важно для меня, чтобы это записывать, а многое ещё слишком важно. По этим причинам я очень постарался многое оставить за полями данных записок.

Я родился 6 сентября 1972 года в роддоме ЧТПЗ в семье молодых, и тогда ещё стремившихся к интеллигентности, девушки и юноши (как это ни странно). Моя мать – Надежда Петровна (в девичестве Улинкина) тогда училась в мединституте и работала в аптеке фармацевтом, а отец – плавил сталь на ЧМЗ и учился на инженера в ЧПИ. Такая типичная советская молодая семья.

Первая книга, которую я прочел, а точнее услышал, и долго еще потом слушал – был «Маленький принц» Экзюпери.

Первое более-менее осознанное воспоминание о детстве относится уже к Озёрску (Челябинску-65 или «Сороковке»), к семье моей матери – деду Петру Ивановичу Улинкину и бабушке Антонине Алексеевне. Вообще надо сказать, что касается семьи и ее происхождения, очень многое относится к области мифологии и предположений – поскольку многие вещи не было принято говорить громко в советской стране. Так, со слов моего деда, его мать Александра Семеновна происходила из семьи священника Свято-Никольской церкви г. Верхнеуральск и обедневших дворян, а со слов Антонины Алексеевны – ее родители, она и еще 11 братьев и сестер, были раскулачены в Вологодской области в 1934 году и отправлены поездом под Копейск. Из двенадцати детей доехали четверо. Но и эти предания кажутся не столь мифологичными рядом с генеалогией отца – со слов его матери Софьи Ивановны, озвученных ею лишь в 1987 году, она родом из семьи графа

Билибина (того самого, который вел переговоры с Наполеоном)* и Жемчуговых, которые какой-то стороной приходится родственниками Прасковье Жемчуговой (балерине, жене графа Шереметева)**. Правда ли вся эта семейная история или нет, уже никто и никогда не сможет сказать. Но будем считать, что это правда. За неимением доказательств мы вправе верить в неё и строить свою биографию, исходя из внутренней убежденности, что необходимо не подвести своих предков и не жаловаться на то, как складывается судьба. Итак, с 1974 по 1978 (или это был 1979?) годы я жил в семье деда, а мать и отец получали свое образование. Как это было? Шесть дней в неделю я находился в круглосуточном детском саду, а по четвергам меня забирал к себе дед. С тех пор самая любимая моя еда – это блюдо из детства: два больших куска белого хлеба, на каждом из них – толстый кусок колбасы, хреновина или чеснок, и все это запить холодной водой из-под крана. А еще желательна книга Конан Дойля или журнал. В доме у бабушки и дедушки всегда выписывали журналы «Юность», «Юный натуралист» и «Человек и закон». Мало того, что выписывали, – еще и читали. Соответственно, и я начал читать рано. Чаще всего Малую детскую энциклопедию и киплингского «Маугли». А еще Надежда Петровна, чтобы развить мою память, задавала выучить какое-либо стихотворение – так что лет в пять я наизусть читал «Бородино». К восьмому классу довольно-таки неплохо знал большие отрывки из «Онегина». Наверное, поэтому сейчас я предпочитаю читать стихи с листа.

В школу меня отправили в шесть лет. Учиться было не слишком сложно, но поскольку многое давалось легко, – лень стала одной из моих основных черт на тот период. Получалось так, что сначала я «запускал» учёбу, затем в школу вызывали мать или отца, они приходили домой, задавали хорошую трепку, после этого я «собирался» и – не напрягаясь – в течение нескольких недель вполне всё нагонял. Ко всему прочему меня записали в огромное количество разных секций и кружков (из которых большую часть времени занимали секция плавания и кружок рисования). Рисовать я так и не научился, а плавать – вполне.

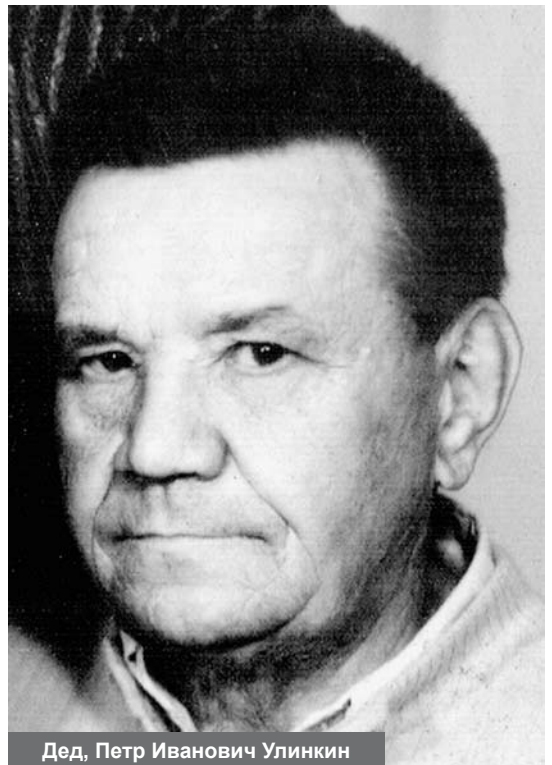
Еще помню, как в пятом классе школы наш учитель литературы Ольга Андреевна Иванова задала на дом выучить стихотворение Лермонтова. Поскольку мать всегда предпочитала ставить передо мной сверхзадачи, я не стал ни «Тучку» учить, ни повторять «Бородино», а с огромными усилиями зазубрил «На смерть гладиатора». Ну вот, выхожу я, читаю (наверное, даже без запинки). И в финале вижу, что эта самая Иванова ставит мне пару. Спрашиваю: «Отчего так?» И она выдает мне феноменальное: «Потому что это – Пушкин!». Я беру книгу из «Библиотеки

Бабушка, Антонина Алексеевна

мировой культуры», возвращаюсь к учительскому столу, кладу книгу перед ней, но толку ноль, «мадам» остаётся при своем мнении. После чего я почти уверился, что все учителя – идиоты (а особенно те, что преподают литературу). Ну и фиг с ней, с этой литературой, потому что пришло время окончания восьмого класса и время первой точки удачи.

Удача состояла в том, что я поступил в Кыштым-

Дед, Петр Иванович Улинкин

А.П., Александра Семеновна Уликина и мама, Надежда Петровна, 1982 г.

ское медицинское училище, и в то же самое время в этом заведении стала преподавать литературу Наталья Николаевна Босомыкина. Учила она нестандартно (то ли от того, что на дворе уже была «перестройка-ля-ля-ля», то ли от того, что не так давно закончила институт и еще не устала от бесконечных тупых голов). Её уроки заставляли нас искать нестандартные точки для взгляда на то, что было уже «правильно записано» и упорядочено в ранге современной критикой. Это вполне соответствовало моей, наверное, все же врожденной неправильности (или неадекватности) – и отношения с литературой изменились от горячей нелюбви на противоположность.

И вот на первом курсе училища я написал нечто стихоподобное, после этого – так как привык подвергать сомнению всё вокруг – засомневался и в себе, и приступил наконец-то к осознанному чтению = сравнению своего представления о поэзии с тем, чем поэзия, собственно, является. Это по внимательному чтению оказалось совсем не одно и то же. Особенно когда в мои руки (с дедовской полки) попал очередной номер «Юности» с выпуском «Испытательного стенда» от Ковальджи. Так я познакомился с Кальпиди. Но намного большее воздействие на меня тогда оказали Жданов и Парщиков (были еще Искренко, Пригов, который меня ни тогда, ни после не захватывал, не интересовал и не интересуется, Друк и еще много кто).

Почему Кальпиди меня тогда не впечатлил? Во-первых, как я выяснил много позже, «Юность» опубликовала у В.К. не стихотворение, а отрывок из него – видимо, уже тогда Москва и Урал мыслили с разными скоростями, и то, что уральскому поэту было необходимо в тексте, для москалей было непонятно. Возможно, это восьмистишие было вообще принято для публикации как экзотическая/этнографическая добавка к экзоти-

ческому блюду. Опубликовано не от того, что поняли или попытались понять, а потому как необходим был абorigine для видимости, что это не столичный проект, что и в глухой УралоСибири пишется нечто этакое. Как мне кажется, во взаимоотношениях метрополии и колоний ничего не изменилось и поныне.

Тогда пришло понимание, как я бы хотел писать, и понимание, что так писать я никогда не смогу. И в этом была моя удача. Непреодолимое/невозможное/непосильное всегда притягательно для меня – вроде маяка: надо двигаться именно в эту сторону. И я продолжил читать – благо тогда количество публикаций и книг стало превышать временные возможности для чтения. Открывался Серебряный век, неизвестный век неподцензурной литературы (оговорка: неизвестный для 17-летнего пацана из небольшого моногорода).

Из побочных событий того времени – первая девушка Света Антипина и первая любовь Ирина Филина (впоследствии моя вторая жена окажется поразительно и анатомически, и психологически похожа на неё). Первая бутылка водки, выпитая в соседнем дворе, и первая выкуренная пачка «Беломора». В 17 лет поддался очарованию национальной идеологии и в результате манипуляций соседа попал в поле зрения специальных органов. Только чудом (матерью) был «отмазан» от реального срока за чуть ли не попытку создания антисоветской организации, в результате чего эти товарищи обязали меня вступить в комсомол. Я вступил, и ВЛКСМ через шесть месяцев не стало.

Затем училище неожиданно закончилось, и я устроился на работу. 1991 год. По распределению мне выпало служить на станции Кыштымской скорой помощи, где я проработал 3 месяца и сбегал – во-первых, еще очень и очень не хотелось работать кем-либо, кроме дворника/сторожа, во-вторых, мать очень нуждалась, чтоб ее сын получил высшее образование. Сыну очень хотелось поступить в Литинститут – и, узнав, что с вузовскими корочками это сделать проще, я поступил в институт культуры. А пока поступал, – познакомился со своей первой женой Лилией Лейбович, через 3 дня сделал предложение, через месяц мы сыграли «еврейскую свадьбу», через 2 месяца снова стали жить в разных квартирах, через 6 месяцев поставили штампы о разводе и пошли вместе кушать мороженое, купленное в киоске около кинотеатра Пушкина. Та легкость, с которой это было проделано, стала в некоторой степени причиной разрыва между мной и матерью. С моей стороны разрыв длился до прошлого года (о чем я скажу в финале биографии), со стороны Надежды Петровны – разрыв продолжается и поныне, но хочется верить, что когда-нибудь завершится.

Последующие семь лет были проведены мной довольно-таки бестолково – в переездах с места на место, бесконечных заселениях в общежития или съемные квартиры. В попытках стать хоть каким-то более или менее приличным мужем для своей второй жены Ирины Михайловны Потаповой и не самым плохим отцом для старших детей – Татьяны (родилась в 1995-м) и Никиты (родился в 1998-м). Очень странно, но всякий раз перед тем, как каждому из них предстояло появиться на свет, в стране нашей случалась какая-нибудь фигня. И жить со мной становилось не слишком легко. Как правило, по финансовым причинам. В 1998 году Ирина заставила меня пойти и издать первую книгу – «Оборотень». Сейчас мне, как и положено, стыдно за этот сборник стихотворений. Впрочем, как и за все последующие. Наверное, так и должно быть. То есть, мне кажется, как только ты достигаешь идиотичной уверенности, что хотя бы один текст у тебя получился, – надо уходить из поэзии или литературы на какую-нибудь стройку века. Потому что в конечном итоге поэзия – не искусство достижений, а путь обретения своего языка. И завершением этой тропы может быть только молчание. Но книга была издана – и на следующий день, к счастью, ничего не произошло.

Далее было 29 июля 1999 года – в этот день я познакомился с первым человеком, который начал вводить меня в современную литературу, Ниной Ягодинцевой. Работали мы с Ниной Александровной довольно-таки плотно – она пыталась из меня сделать внятного (в её понимании) поэта, а я тем временем двигался совсем в другую сторону. Тем не менее, многие проекты мы создавали вместе – часть из них осталась моими, другие были взяты ею в свое ведение. О них я, пожалуй, не сильно жалею (все, что я мог сделать в рамках психотерапевтической резервации «литературной мастерской» – я сделал, и самое главное, обучился некоторым технологиям, которые помогли мне в будущем осуществить свои независимые проекты).

В том же году познакомился с Димой Кондрашовым, который, помимо того, что обучал меня «правильной» технике написания стиха, очень много времени отдал моему культпросвету. Начиная с 2001 года, мы с ним прогуливались почти каждый вечер по улице Ловина, где находилась последняя моя съемная квартира, и говорили: он – о бабах и политике, я – про литературу. К тому же времени относится мой последний трехлетний бизнес-опыт по продаже гитар. Не скажу, что я много заработал, но зато смог позволить себе издать поэтов, которые сами вряд ли когда решились бы на издание своих книг. Именно тогда была запущена в производство поэтическая серия

Наталья Николаевна Босомыкина

«24 страницы современной классики». Исключительно из-за моего каприза иметь некоторые книги на своей книжной полке.

В 2003 году Ирина решила, что жить со мной в браке – это слишком мрачно. Мистически это решение совпало с некоторыми проблемами в бизнесе, и только спустя два года, в 2005-м, наша совместная жизнь закончилась. Тем временем в октябре 2003-го совместно с Ниной Ягодинцевой и Натальей Деревягиной мы провели первый поэтический фестиваль «Урал-Транзит». За шесть месяцев до этого я и компания начали издание газеты «Транзит-Урал», затем в 2004 году Олег Синицын помог перевести это, в общем-то,

Отец, Александр Викторович Петрушкин

А.П. с женой, Н. Косолаповой, 2007 г.

самиздатовское издание, на более солидный уровень – и до 2009 года газета выходила уже как журнал. Сейчас этот журнал выходит нерегулярно в электронном виде.

В 2005 году на Каслинских литературных чтениях Маргарита Еременко познакомила меня с моей нынешней (очень сильно рассчитываю, что последней) супругой Натальей Косолаповой, и в феврале 2006 года я переехал на ПМЖ в Кыштым, где и проживаю поныне вместе с приемной дочерью Аленой и младшими детьми Аполлинарией (родилась 4 года назад) и Ярославом (родился 2 года назад). Старшие дети также периодически приезжают в гости, что не может меня не радовать.

В общем-то, можно, конечно, еще долго перечислять карьерные достижения в области литературы, но эти, имеющие мало отношения к собственно моей жизни «скрижали почёта», и так вполне доступны в интернете, и если кому-то действительно любопытно (сомневаюсь, что таких много), – можно легко «выгуглить».

Мне же намного интереснее сейчас, что я за последние 5–6 лет смог перезнакомиться с людьми,

которые в конце прошлого века были для меня легендами, и – смею надеяться – мы стали друзьями. Например, с Андреем Санниковым, Женей Туренко.

Интересно, что из абсолютно сумасшедшей идеи – создать альтернативу ЖЗ – получился портал «Мегалит», который развивается настолько ускоренно, что мне, может, и хотелось бы, чтобы все двигалось помедленнее, т.к. обслуживание портала осуществляется только мной, а это все же затратно.

Крайне важно, что в прошлом году, когда умер дед Петр Иванович, я внутри себя перестал проживать этот бесконечный конфликт с матерью.

Важно, что стихи перестали быть предметом тщеславия и пишутся от того, что иногда хочется именно так говорить.

Важно, что есть дом, в котором я все-таки когда-нибудь умру. А рядом с домом – своя земля, а на этой земле растут картошка, капуста, огурцы. Что этой весной я посадил у себя под окном три розы, и одна из них прижилась. Так что, когда в сентябре этого года мне исполнится сорок лет, – я буду, как и в июле, августе и в другие месяцы своей кыштымской жизни, счастлив. Потому что о многом смог умолчать в этих наспех набросанных записках.

2 июля 2012 года

* Данный факт исторически недостоверен.

** Если автор имеет в виду Прасковью Жемчугову (настоящая фамилия Ковалева), то она была не балерина, а певица (см. Энциклопедический словарь).